

Вечер. Офис опустел. В отсветах уличных фонарей на полированной поверхности стола тускло отливала крутыми бедрами трубка из слоновой кости, щедро повязанная серебром поперечных колец. А рядом с ней в хрустальной вместительной пепельнице темнела солидная гора окурков.

– Ап-чхи! – тонко чихнула Трубка.

– Будьте здоровы, мадам, – басовито и несколько угодливо отозвался из темноты окурков дорогой сигары «Звезда Востока». – Я Вас понимаю: здесь так пыльно и столько всякой дряни!.. – Он брезгливо кивнул в сторону молчаливой кучи. Несмотря на свой явно укороченный рост, он, толщиной с палец, удобно лежал в канале боковой стенки

пепельницы, что позволяло ему любоваться своей изящной собеседницей и, сохраняя достоинство, дистанцироваться от толпы прочих окурков.

– Ой! Кто это? – испуганно воскликнула Трубка.

– Это я-с... Мой хозяин – директор СП... Он заезжал к Вашему боссу после совета директоров, вы, может быть, помните...

– Ах, да... Из Росинтура, кажется, припоминаю... Ну, а где же ваш второй... уж и не знаю, как его правильно назвать: брат, коллега, товарищ... Такой же толстенький и симпатичный?

– Да, был второй, только какой он мне брат или товарищ... Так – сосед по коробке... Он деловой, он сгорел на работе без остатка, а я другой, я – эпикуреец в душе! Люблю красиво жить! Увидел Вас – судьба моя решилась, и вот я здесь, у Ваших ног...

– Благодарю Вас, – сладко пропела Трубка. – Однако, Вы галант!.. Сейчас это не часто встретишь...

– Ах, мадам!.. – продолжал наступление Окурков Сигары. – Весь вечер я люблюсь красотой Ваших грациозных линий... А сколько в Вас достоинства, какой парфюм!.. Божественный запах – «Герцеговина Флор», я не ошибся?

– О, Вы большой знаток ароматов! Шарман! Вы не находите меня несколько старомодной? Но ведь Вы же знаете, кто любил этот табак?..

– О да, конечно... – слегка дрогнувшим голосом поспешно отозвался кавалер в золоченом мундире.

– А Вы, простите, родом не из Гаваны? – с опаской спросила Трубка.

– Ну что Вы... как можно?.. – попытался изобразить обиду галантный окурочек. – С Фиделем у меня ничего общего! Сам я – турецкоподданный, вращаюсь в солидном обществе... Держим, как говорится, реноме. Не знаю, устроит ли Вас моя биография, дорогая ханум, сударыня или уж лучше мадам?

– Ах, да хоть как назовите – лишь бы табачок был крепкий! А Вы мне очень даже симпатичны...

Судя по всему, консенсус был достигнут и, не обременяя себя в дальнейшем условиями этикета, представитель турецкого табака кинулся в объятия своей грациозной крутобедрой подруги. Некоторое время над столом шелестел сдавленный шепот:

– Ах, сударь, разве можно так сразу?..

– Мадам! Ну, мадам!..

Вскоре разговор прекратился, а дальше слышалось тонкое и томное женское попискивание.

Эротическую сцену внезапно нарушил звонкий и дерзкий голос, донесшийся из пепельницы:

– Кхе– кхе... Мэм, я, конечно, не монах и понимаю ситуацию, но нельзя же так забывать, даже если ваш партнер почтенный эфенди!..

– Ах! Здесь кто-то есть! Мы не одни... – испуганно визгнула Трубка, отталкивая от себя любвеобильный Окурочек.

– О аллах всемогущий, кто посмел подать голос в такой момент!?

– Сэр, я понимаю, что Вы турецкоподданный... я и сам люблю ваш кофеек, но даже это не дает Вам права ущемлять права сынов Америки! Разрешите представиться – «Мальборо»... Мои предки в графьях ходили, да и сам я не лыком шит... А попал я сюда с главой администрации, и пока наши шефы общались и пили коньяк, я, мадам, имел удовольствие беседовать с Вами, мало того, Вы поселили в моей душе надежду на взаимность, и мне кажется, что сейчас самое время собирать камни, но без этого баши-бузука... Бьюсь об заклад, когда состоялось наше знакомство, пепельница была вообще пуста, а этого толстопузого турка и в помине еще не было! Интересы Америки превыше всего, и я требую Вашей взаимности сейчас же и здесь же! Иначе!..

– Ах, господа, – растерянно забормотала Трубка, – действительно я что-то припоминаю... прошу простить... Я могла бы удовлетворить все ваши запросы... э-э... в определенной последовательности...

– Чертовы янки! – зарычал турок-окуроч, – экспансия – образ всей вашей жизни! Вы даже женщиной не можете овладеть, не играя мускулами. Но я клянусь аллахом, что не позволю вам объявлять этот стол зоной ваших стратегических интересов! Политика – отдельно, секс – отдельно!..

– Внимание! Исламский фундаментализм не пройдет! – раздались крики из пепельницы. Куча зашевелилась и на ее поверхности то тут, то там появились обгорелые, измазанные пеплом головки окурков, на которых с трудом читалось: «Техас», «Канзас», «Голливуд», «Америка», «Монтана», «Парламент»... Данное обстоятельство повергло в уныние турецкого крепыша, и он, похоже, оставил всякие надежды на продолжение только завязавшегося романа с Трубкой.

– Бог мой! – воскликнула единственная в этой компании дама. – Какое трогательное единение! Какая взаимовыручка – типичное американское качество! А где же мои-то земляки?

– Да здесь мы, сударыня, – из кучи пепла неуверенно проклюнулись огарыши сигарет «Родопи», «Опал», «Болгария», «ВТ». – Ты так мило щебетала с этими господами, что мы решили не вмешиваться. Зачем раздувать балканский кризис?

– Эх, земляки, – глубоко и грустно вздохнула Трубка, обдавая присутствующих терпким ароматом «Герцеговины», – совсем у вас патриотизма не осталось!

– И то верно, – отозвался сморщенный окуроч «Примы», невесть как попавший в эту привилегированную компанию, – какой тут патриотизм, причем тут Балканы, когда всех их зачали на Прокопьевской табачной фабрике, в соседнем цехе... Сам видел – век воли не видать! Космополиты они, а не земляки! А ты, путана крутозадая, должна знать, что твой Хозяин, да не этот хлюпик из «новых русских», а тот, настоящий, Усатый, очень не любил всяких космополитов! Они у него Беломорканал рыли – хоть польза была...

– Хо-хо! И про меня вспомнили, – с трудом распрямляя спину прохрипел худосочный окуроч «Беломорканала». Оглядевшись по сторонам, он сокрушенно покачал своей опаленной головой и досадливо сплюнул:

– Дожили! С кем приходится общаться: янки, космополиты, мусульмане – дома прохода не дают!

Дальнейшие его слова утонули в потоке дешевой, едкопахнувшей махорки. Это сторож Лукич, делая вечерний обход офиса, зашел в кабинет президента компании. Как всегда, у него во рту торчала огромная «козья ножка», туго набитая махоркой. То ли надоело Лукичу сосать ее, то ли затухла она невпопад, но он решил от нее избавиться и ткнул ею в пепельницу, где уже назревал нешуточный конфликт. Слабо склеенная слюной самокрутка развалилась, и махра толстым слоем накрыла табачный интернационал. Трагедия Помпеи повторилась! Затем Лукич громко высморкался и, обтерев пальцы о штанину, неторопливо вышел из кабинета. Тишина зависла над столом... Казалось, сама жизнь была придавлена «козьей ножкой» Лукича...

Но не тут-то было, и вскоре над полуистлевшей махоркой показалась жуликоватая головешка «Беломора». Зыркнув по сторонам, он приняхался, чихнул раз десять кряду и проворчал недовольно:

– Ходят тут разные, а после них – вся жизнь в дерьме! – Но затем, еще раз приняхавшись, добавил уже почти нежно: – Да-с, табачок дерьмовый, а все– таки наш, расейский!..